

Лян Цзинь глубоко вздохнула, испытывая противоречивые чувства. Один лишь низкосортный магический артефакт, один дух демона и одна редкая кисть для начертания талисманов — любой из этих предметов мог вызвать бурю среди практикующих, каждый стоил целого состояния. И вот всё это оказалось в её руках так легко, что она не могла не почувствовать лёгкую горечь.

Она не стала проверять содержимое перстня в присутствии Лин Цанцюна. Тот, подарив вещи, тоже почувствовал, что оставаться дальше было бы неловко. Между ними не осталось тем для разговоров, словно единственной связью, которая их объединяла, были лишь их роли — главы секты Линъюнь и ученика.

Не желая навязываться, он развернулся и ушёл.

После его ухода Лян Цзинь опустила голову и вздохнула. Она не могла не чувствовать сложных эмоций, которые бушевали в сердце Лин Цанцюна. Но и её собственная душа была в смятении. Лин Цанцюн был её родным дедом, но всякий раз, когда она вспоминала прошлое, в горле словно вставал ком, который она не могла проглотить. Эту ситуацию, вероятно, стоило просто отпустить и позволить ей развиваться естественным образом.

Медленно спускаясь с пика Цинъюнь, Лян Цзинь по дороге начала проверять содержимое только что полученного перстня. Помимо трофеев с Великого состязания трёх сект, она неожиданно обнаружила меч из алого нефрита и холодной стали, который когда-то принадлежал Чэнь Юй.

Вынув меч, она сжала его в руке, и боль, которую она едва сдерживала, вновь нахлынула на неё. Чэнь Юй никогда не расставалась с этим мечом, и если бы не катастрофа, случившаяся на платформе Цинъюнь, он никогда бы не оказался здесь. Лян Цзинь глубоко вдохнула, убирая меч обратно. Ей нужно было ещё усерднее совершенствоваться, чтобы однажды вернуть этот меч своей наставнице.

Спустившись с горы, она быстро вернулась в Запретные земли внутренней секты, чтобы уйти в затворничество и восстановить силы.

Последующие три года она не выходила наружу.

Из-за битвы на платформе Цинъюнь её основание было почти разрушено, и потребовалось целых два года, чтобы полностью восстановиться, не оставив скрытых травм. После выздоровления, почувствовав, что её ци бурлит и готова к прорыву, она снова ушла в затворничество на год, достигнув Великого совершенства Закладки основания.

Спустя три года Лян Цзинь вышла из затворничества. Перед этим она оставила Мастеру Цинъюньцзы много ресурсов и сообщила о своём намерении отправиться в странствие. Для Лян Цзинь Мастер Цинъюньцзы и его соратники не видели причин для беспокойства, потому разрешили, лишь посоветовав ей не привлекать лишнего внимания и заботиться о собственной безопасности.

За годы общения они хорошо изучили её характер и знали, что она смела и всегда мстит за обиды. В пределах секты они могли её защитить, но за её пределами их помощь была недоступна. Они надеялись, что она будет осторожна, чтобы не навлечь на себя беду, столкнувшись с могущественными врагами.

Лян Цзинь, конечно, согласилась. Она понимала, что чем больше выделяешься, тем больше привлекаешь неприятностей. Мир за пределами секты был полон хаоса, и один неверный шаг

мог привести к гибели.

Ранее на платформе Цинъюнь она привлекла к себе много внимания, но прошло уже три года, и шумиха утихла. Если она будет действовать осторожно, то серьёзной опасности не возникнет.

Выйдя из Запретных земель, она хотела навестить свою старшую сестру-ученицу, но, посетив пик Сюйюй Юй Цзысюня, узнала, что та всё ещё в затворничестве, и отказалась от этой затеи.

В конце она вернулась в Обитель Юйжуй, где снова неожиданно встретила Лин Цанцюна.

Лин Цанцюн стоял за спиной у входа в Обитель Юйжуй, не заходя внутрь. Когда Лян Цзинь подошла, он почувствовал её присутствие, обернулся и улыбнулся:

— Ты уже вышла из затворничества?

Лян Цзинь, увидев его радостное выражение лица и лёгкость в движениях, почувствовала лёгкое недоумение. Она моргнула и кивнула:

— Да, я сегодня только вышла из затворничества. Собираюсь отправиться в странствие по горам. Перед отъездом хотела навести тут порядок.

Лин Цанцюн уже догадался о её планах и не удивился, лишь кивнул:

— Очень хорошо.

Лян Цзинь слегка нахмурилась, не понимая, что он задумал. Но, увидев улыбку в его глазах, она вдруг подумала о чём-то, и радость вспыхнула в её сердце. Однако она сдержала себя, ведь если её догадка окажется неверной, это будет лишь пустой надеждой.

Она постаралась успокоиться, но нетерпение всё равно прорывалось наружу. Быстро спросила:

— Есть новости от наставницы?

Прошло уже три года, и даже если раны Чэнь Юй были тяжёлыми, она не должна была пропасть без вести. За эти годы не было ни одного письма из Дворца Цзысяо, что, вероятно, означало, что её состояние улучшилось, и отсутствие плохих новостей было уже хорошим знаком.

Но радость и лёгкость, которые излучал Лин Цанцюн, заставили Лян Цзинь думать именно об этом. Однако, боясь ошибиться, она крепко сжала кулаки, ожидая его ответа.

Лин Цанцюн, с невозмутимым лицом, полным невыразимой радости и облегчения, достал из рукава письмо и протянул его Лян Цзинь:

— Я как раз собирался передать его тебе, но не ожидал встретить тебя здесь. Это письмо пришло из Дворца Цзысяо месяц назад.

Лян Цзинь широко раскрыла глаза, переполненная радостью. Она поспешно взяла письмо, на конверте которого было написано:

«Любимой ученице А Цзинь лично в руки».

Знакомый изящный почерк заставил её руки дрожать от волнения, едва не выронив тонкий конверт.

Когда её эмоции немного утихли, она, не стесняясь присутствия Лин Цанцюна, вскрыла письмо и развернула лист бумаги.

Быстро прочитав, она наконец почувствовала, как камень свалился с её сердца. Чэнь Юй писала, что провела два года в постели, не имея сил взять в руки кисть. Благодаря усилиям Янь Бухуэй она постепенно поправлялась и, как только её состояние улучшилось, сразу написала это письмо. Однако её силы ещё не восстановились, и раны не зажили полностью, поэтому она не могла вернуться в секту. Она просила Лян Цзинь заботиться о себе и не волноваться.

В конце письма почерк был немного неровным, что показывало, как тяжело далось Чэнь Юй его написание. Потребуется ещё много времени, чтобы полностью выздороветь. Но пока она жива, все трудности можно преодолеть!

Лян Цзинь глубоко вздохнула и, не обращая внимания на присутствие Лин Цанцюна, громко рассмеялась. Сбросив с души тяжёлый груз, она почувствовала невероятную лёгкость, и даже обида на Дворец Цзысяо мгновенно рассеялась.

Наконец, успокоившись, она увидела удивлённое лицо Лин Цанцюна и слегка смутилась, откашлявшись. Она кратко пересказала содержание письма.

Выслушав её, Лин Цанцюн тоже полностью успокоился. Видя, как Лян Цзинь сияет от счастья, он улыбнулся:

— Когда ты собираешься отправиться в путь?

Лян Цзинь усмехнулась, сложила письмо и убрала его, затем подмигнула:

— Сегодня же!

Она сначала уберётся в Обители Юйжуй, а затем отправится в путь. Лин Цанцюн понял её и больше ничего не сказал, лишь пожелал:

— Будь осторожна.

Затем он развернулся и ушёл.

Лян Цзинь смотрела, как его фигура удаляется, и вдруг, выдохнув, громко крикнула:

— Прошу тебя, дедушка, береги себя!

Лин Цанцюн споткнулся, едва не упав, но не обернулся, лишь глухо ответил:

— Хорошо.

И поспешно удалился.

Лян Цзинь с улыбкой на губах вошла в Обитель Юйжуй.

В это время в Дворце Цзысяо, где стоял разгар весны, цветы распускались под ветром, и лепестки опали, создавая живописную картину. На востоке от Чертога Цзысяо, немного в стороне, находился небольшой двор под названием Резиденция Юйсянь.

В главной комнате резиденции, в спальне на южной стороне, Чэнь Юй, одетая в простую белую

одежду, всё ещё выглядела бледной, проявляя нежную слабость, которую она никогда не показывала перед другими. Её дух был лучше, чем несколько месяцев назад, её длинные волосы, не собранные в пучок, ниспадали, как водопад, доходя до талии.

В этот момент она сидела за столом, держа кисть, и каждый раз, написав пару строк, вынуждена была класть её в сторону, чтобы немного отдохнуть, прежде чем продолжить.

Когда Янь Бухуэй вошла с чашей лекарства, Чэнь Юй как раз положила кисть. Она увидела, как Чэнь Юй неторопливо складывает письмо и кладёт его в заранее приготовленный конверт, затем поворачивается к ней и мягко улыбается:

— Госпожа Янь, вы пришли как раз вовремя. Не могли бы вы послать кого-нибудь отнести это письмо в Секту Линъюнь моей ученице Лян Цзинь?

Её голос был спокоен и мягок, словно она вела обычный разговор с другом.

Янь Бухуэй приподняла бровь, и в её глазах мелькнул холодный свет. Она холодно сказала:

— Ты нарушила врачебный запрет, встала и пишешь письма, а теперь ещё хочешь, чтобы я отправила его?

Чэнь Юй не рассердилась, лишь слегка улыбнулась:

— Хм... Я как раз упомянула вас в письме, сказав, что в последние годы вы заботились обо мне очень хорошо...

Не ожидая такого ответа, Янь Бухуэй замерла. Её лицо оставалось спокойным, но кончики ушей странно покраснели:

— Кхм! Отправить письмо — плёвое дело! Я сама всё устрою! Только ты ещё не выздоровела, нельзя вставать слишком долго. В следующий раз так не делай!

Чэнь Юй, легко добившись своего, почувствовала лёгкую радость. Как и говорила Цин Шуан, характер Янь Бухуэй был весьма своеобразным.

<http://bllate.org/book/16682/1531315>